

Д. А. Толстой

**Академическая гимназия в
XVIII столетии, по
рукописным документам
Архива Академии наук**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. А. Толстой**
Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Ар-
хива Академии наук / Д. А. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2019. –
116 с.

ISBN 978-5-517-82179-9

ISBN 978-5-517-82179-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ситеть обязанъ ему учрежденіемъ кафедры анатоміи и устройствомъ анатомическаго театра, также распоряженіемъ объ изданіи сочиненій по юридическому факультету. Ададуровъ продолжалъ заниматься русскою словесностію и впоследствии, и въ 1768 году издалъ «Правила російской орфографіи».

Кондоиди (Павель) былъ помѣщенъ въ академическую гимназію дядею своимъ Ананасіемъ Кондоиди, воспитателемъ князя Антиоха Кантемира, назначеннымъ Петромъ Великимъ ассесоромъ Синода, при самомъ его учрежденіи, а потомъ совѣтникомъ его; впоследствии онъ былъ епископомъ вологодскимъ, а послѣ суздальскимъ. Павель Кондоиди, уроженецъ Корфу, учившійся прежде въ Венеціи, по окончаніи своего образованія при Петербургской Академіи Наукъ, отправился въ Лейденскій Университетъ, гдѣ прошелъ курсъ медицинскаго факультета, и получивъ тамъ въ 1733 году степень доктора медицины, возвратился въ Петербургъ. Назначенный полевымъ врачомъ, онъ находился въ 1737 году при арміи фельдмаршала графа Минниха, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ генераль-штабъ-докторомъ. Впоследствии пожалованъ онъ былъ гофъ-медикомъ, а въ 1753 году назначенъ Директоромъ Медицинской Канцеляріи, и оставаясь въ этой важной административно-медицинской должности до самой смерти своей въ 1760 году, принесъ значительную пользу русскимъ медицинскимъ учрежденіямъ.

Ададуровъ и Кондоиди были въ гимназіи учениками извѣстнаго академика, исторіографа Мюллера. «Я не понимаю ихъ языка», говоритъ Мюллеръ, «точно также какъ они моего»; но такъ какъ они нѣсколько подготовлены были въ латынскомъ языкѣ: Ададуровъ въ новгородской семинаріи, гдѣ онъ первоначально обучался, а Кондоиди въ своей родиѣ или въ Венеціи, то Мюллеръ объяснялъ имъ трудныя мѣста латынскихъ писателей обыкновенною разговорною латынью и находилъ, что эта трудность послужила имъ въ пользу.

Таубертъ былъ бібліотекаремъ публичной бібліотеки, занимался переводами, а впоследствии былъ весьма вліятельнымъ ли-

помъ въ академической администраціи, въ званіи совѣтника академической канцеляріи.

По свидѣтельству Мюллера, кромѣ официально записанныхъ въ гимназію учениковъ, въ ней обучались тогда нѣкоторымъ предметамъ, въ особенности у преподавателей Крамера и Шванвица, дѣти лучшихъ фамилій, между которыми онъ называетъ Новосильцева и Адама Васильевича Олсуфьева, впоследствии статсъ-секретаря Императрицы Екатерины ¹⁾).

На основаніи заключеннаго контракта, Байеръ раздѣлилъ гимназію на два отдѣла: нѣмецкую школу, или приготовительную, подраздѣленную на три класса, и латынскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа необходима была потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики не могли бы ихъ понимать, не выучившись по нѣмецки.

Въ 1727 году поступило въ гимназію уже гораздо меньше учениковъ, чѣмъ въ предыдущемъ году, именно 58. Между ними былъ сынъ артиллерійскаго генерала Писарева и сынъ контръ-адмирала Синявинъ.

Съ самаго учрежденія этой гимназіи, въ нее принимали учениковъ какъ для прохожденія всего гимназическаго курса, такъ и для изученія только нѣкоторыхъ предметовъ, въ особенности новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Этимъ только можно объяснить значительную разницу въ лѣтахъ учащихся, что конечно было вовсе не педагогично; такъ напримѣръ принятымъ въ этомъ году Синявину и Делену было 6 лѣтъ, а нѣкому Тодорскому 24 года, и противъ него было означено: «пріѣхалъ по нѣмецки учиться.»

Въ декабрѣ 1726 года опредѣлена была въ гимназію надзирательница, «для смотрѣнія надъ дѣтьми, которые при помянутой гимназіи обрѣтаются.»

Въ 1728 году вступило въ гимназію еще менѣе, всего 26, а многіе вышли не кончивъ курса. Байеръ писалъ Шумахеру:

---

¹⁾ Müller. Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. (Рукопись.)

«Отъѣздъ императорскаго двора (Петра II) въ Москву нанесъ дѣшней гимназіи ударъ, потому что ея ученики, и особенно изъ знатныхъ, всѣ почти уѣхали туда же съ своими родителями». Въ числѣ принятыхъ въ гимназію были сынъ вице-адмирала Спьявина, братъ извѣстнаго адмирала, командовавшаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ первую турецкую войну, азовскою флотиліею, и три сына графа Карла Скавронскаго, брата Императрицы Екатерины I, изъ коихъ средній, Мартынъ, въ царствованіе Екатерины, былъ оберъ-гофмейстеромъ. Скавронскіе поручены были надзирателю Геннинггеру. Обязанности его, при самомъ учрежденіи Академіи, опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: «Юноши благородные, въ академическомъ домѣ живущіе, надзирателя и правителя ученія своего имѣть будутъ — Іоанна Коврада Геннигера; ибо надлежитъ гражданству, чтобы тѣ, которые къ знатнѣйшимъ на санъ государства достоинствомъ рождены, не токмо разными науками обучались, но ко всякой учтивости и къ пріятному обхожденію съ людьми привыкали.» По словамъ Мюллера, надзоръ Геннигера ограничился тремя Скавронскими, которые не долго остались въ гимназіи.

Въ 1728 году гимназія понесла также чувствительный уронъ въ своихъ преподавателяхъ: изъ нея вышли адъюнкты академіи Мюллеръ, преподававшій латынскій языкъ, исторію и географію, Крафтъ и Вейтбрехтъ, обучавшіе математикѣ; они получили другое назначеніе, и были замѣнены не адъюнктами, а учителями.

Въ 1729 году пріемъ въ гимназію былъ гораздо значительнѣе, именно поступило въ нее 74 мальчика. Но для этого принята была искусственная мѣра наполненія гимназіи дѣтьми такихъ родителей, которые вовсе не нуждались для своихъ сыновей въ гимназическомъ образованіи, именно приняты были сыновья нѣсколькихъ солдатъ, столяра, крестьянина князя Меншикова, семъ плотниковъ, кузнеца, трехъ адмиралтейскихъ десятскихъ и одного господскаго человѣка. Такіе ученики, по большей части, не оканчивали курса, и для гимназіи составляли ненужный и за-

труднительный балластъ, а стали отвлекать отъ нея дѣтей высшихъ сословій. Впрочемъ и впослѣдствіи поступали иногда въ гимназію и дѣти изъ образованныхъ семействъ; такъ, напримеръ, въ слѣдующемъ же 1730 году, когда всего было только 14 поступившихъ въ гимназію учениковъ, принятъ былъ Иванъ Меллесино. Меллесино. Имя его сдѣлалось весьма извѣстнымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины: въ 1763 году онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ синода, а съ 1771 года по смерть свою, въ 1795 году, былъ кураторомъ Московскаго университета, при коемъ учредилъ благородный пенсіонъ.

Положеніе
о гимназій
Байера
1731 года.

9 сентября 1731 года Байеръ ввелъ въ дѣйствіе составленное и собственноручно написанное имъ положеніе о гимназій, подъ заглавіемъ: *Gegenwärtige Einrichtung des Gymnasiums*. Этимъ положеніемъ подтверждалось существовавшее дѣленіе гимназій на двѣ школы — нѣмецкую и латынскую и назначались каникулы, когда наступаетъ большая жара, на четыре недѣли, изъ коихъ въ первый и послѣдній день вовсе не было ученья, а въ остальные дни только половина уроковъ.

Между тѣмъ гимназія все падала какъ по числу, такъ и по составу учениковъ. Учрежденіе же въ 1731 году шляхетскаго кадетскаго корпуса нанесло ей такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла поправиться. Кадетскій корпусъ давалъ окончивающимъ въ немъ курсъ чины, гимназія же не предоставляла своимъ абитуриентамъ никакихъ правъ на службу, почему всѣ стремились въ корпусъ и избѣгали гимназію. «Съ основанія кадетскаго корпуса», говоритъ Мюллеръ, «гимназія должна была довольствоваться учениками одного средняго сословія. Дѣти иностранцевъ, непринимаемыхъ въ кадетскій корпусъ, въ достаточномъ еще числѣ поступаютъ въ гимназію, для приготовления себя къ гражданской службѣ».

Проектъ
устройства
гимназій,
представлен-
ный Фишеромъ
въ
1733 году.

Баронъ Кейзерлингъ, въ кратковременное свое президентство въ Академіи Наукъ, въ 1733 году, обратилъ вниманіе на неустройство гимназій, и поручилъ адъютанту Академіи Фишеру, бывшему лекторомъ въ гимназій, представить соображенія объ

ея улучшеніи. Въ представленной 7 августа 1733 года запискѣ, Фишеръ прежде всего старался опредѣлить значеніе гимназическаго ученія и различіе гимназіи отъ простой школы даже съ латынскимъ языкомъ, тѣмъ именно, что гимназія предназначается для гуманистическаго образованія, почему въ курсъ ея должны быть необходимо введены, кромѣ латынскаго языка и греческій, также чтеніе римскихъ поэтовъ, правила ораторскаго искусства и логики. Вообще записка его отличается здравыми педагогическими понятіями; такъ напримѣръ онъ требовалъ, чтобы древнихъ писателей изучали не разомъ многихъ, но одного послѣ другаго, во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ, но разнородныхъ, именно одного поэта и оратора, или же историка. Онъ оставлялъ также въ составѣ гимназіи и нѣмецкую школу, говоря: «Когда русскіе ученики познакомятся нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, ихъ можно переводить въ латынскую школу». Для наполненія гимназіи надежными учениками, Фишеръ не видѣлъ другаго средства, какъ учрежденіе при ней по крайней мѣрѣ 30-ти стипендій, что, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило-бы казнѣ не болѣе 1,600 рублей и доставило бы большую пользу государству, такъ какъ изъ этихъ стипендіатовъ можно было бы готовить не только чиновниковъ, но и учителей въ школы, которыя со временемъ неминуемо должны были возникнуть, а это было бы гораздо лучше и дешевле, чѣмъ выписывать съ этою цѣлю иностранцевъ. И съ этимъ новымъ расходомъ, содержаніе гимназіи не превышало бы 4,000 р. Въмѣсто четырехнедѣльныхъ, какъ мы видѣли, полувакацій (половину недѣли гимназисты учились), онъ предлагалъ установить двухнедѣльные полныя вакаціи. Гимназія находилась на Васильевскомъ островѣ, а за проходъ по мосту чрезъ Неву платились мостовыя деньги, что было обременительно для гимназистовъ, по болѣе части бѣдныхъ; поэтому Фишеръ просилъ освободить такихъ отъ этой платы и пропускать ихъ бесплатно чрезъ мостъ по билетамъ, выдаваемымъ гимназіею. Зданіе гимназіи было крайне неудобно: проходные классы, помѣщеніе въ ней, цѣлыхъ се-

мействъ служителей, происходившіе отъ этого шумъ и крики, плачь дѣтей, мѣшавшихъ преподаванію. На все это обращалъ Фишеръ вниманіе президента; но баронъ Кейзерлингъ занималъ эту должность не болѣе полугода, въ 1734 году онъ перешелъ на дипломатическую службу, и гимназія осталась въ прежнемъ положеніи.

14 сентября 1734 года, президентомъ Академіи назначенъ былъ баронъ Іоганнъ Альбертъ Корфъ, учившійся въ свои молодые годы въ Іенскомъ университетѣ.

Представленіе Президента Академіи барона Корфа о содержаніи въ гимназіи казеннокоштныхъ учениковъ.

Для наполненія гимназій учениками, баронъ Корфъ, вѣроятно по внушенію того же Фишера, находилъ также необходимымъ содержаніе нѣкотораго числа изъ нихъ на казенный счетъ. Въ протоколѣ 24 января 1735 года записано: «По указу Ея Императорскаго Величества во Академіи Наукъ, обрѣтающій главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ приказалъ въ Правительствующій Сенатъ внести доношеніе, и объявить: Понеже въ прошломъ 1724 году, по учиненному блаженныя памяти его Императорскаго Величества Петра Великаго о Академіи Наукъ проекту подтверждено, что обрѣтающіеся при оной профессоры не токмо собственными своими изобрѣтеніями науки въ болѣе совершенство приводить, но и молодыхъ людей въ опытахъ обучать должны; что они первое намѣреніе исполнили, явствуютъ печатныя при академіи книги; а оная причина принята, для которой они вторую часть своей должности въ дѣйство привести не могли, происходитъ оттого, что они способныхъ учениковъ не имѣли. И дабы въ семъ высочайшему намѣренію ея императорскаго величества, послѣдовано было, то надлежитъ при академіи сначала тридцать челоувѣкъ молодыхъ людей добраго права и довольныя надежды выписывать и содержать, и не токмо въ приличныхъ, но и вышнихъ наукахъ, по намѣренію его императорскаго величества Петра Великаго такъ обучать, что бы они со временемъ государству полезныя услуги показывать могли. Содержаніе оныхъ станетъ, по исчисленію, въ три тысячи шесть сотъ семьдесятъ во-

семь рублей... И понеже оттого весьма много зависитъ, чтобы юношество добрымъ порядкомъ обучено было, того ради избранъ къ тому наилегчайшій и въ изрядно учрежденныхъ школахъ наупотребительнѣйшій способъ, которому Правительствующему Сенату впредь для апробаціи предложить, при томъ же требовать, дабы повѣлено было на содержаніе означенныхъ учениковъ вышеписанную сумму опредѣлить, для того, что нынѣшняя академическая сумма, какъ правительствующему сенату извѣстно, что и на случающіеся нужные расходы не довольно». Сенатъ назначилъ на это по 3,000 р. ежегодно, и приказалъ принять въ Академію 20 учениковъ изъ Московскаго спасскаго училищнаго монастыря; но оттуда прислано было только 12 человекъ. Баронъ Корфъ просилъ сенатъ приказать прислать еще учениковъ «изъ другихъ училищныхъ монастырей», то есть изъ семинарій, но это не было сдѣлано.

Въ началѣ 1735 года Фишеръ назначенъ былъ ректоромъ гимназіи, а Байеръ инспекторомъ. Но Фишеръ оставался недолго одинъ въ этой должности: въ слѣдующихъ 1736—1738 годахъ встрѣчаемъ на ней уже Шванвица, бывшаго преподавателя, о которомъ упоминаетъ Мюллеръ; какъ не странно можетъ показаться, они были ректорами гимназіи въ одно и тоже время. Конректоромъ гимназіи опредѣленъ былъ въ 1736 году Геллертъ, специалистъ по химіи и физикѣ, оказавшій впоследствии, по возвращеніи его въ 1744 году въ Германію, значительныя услуги горно-заводскому дѣлу въ Саксоніи.

Ректорство
Фишера и
Шванвица
(1735—1736
года).

Изъ рапортовъ Шванвица Академической Канцеляріи видно, что въ 1736 году учениковъ въ гимназіи было только 28, и что многіе изъ нихъ не ходили въ классы, такихъ бывало до 12-ти, а иногда и до 20-ти. Библіотекаръ Цумахеръ не рѣдко вытребовалъ гимназистовъ на работы въ типографіи, или употреблялъ ихъ на занятія по академической канцеляріи. Съ сентября до конца года большая часть учениковъ перестала вовсе ходить въ гимназію, такъ что въ классахъ бывало отъ 8-ми до 15-ти учениковъ.

При такой незначительной ихъ численности, ректора жаловались на тѣсноту помѣщенія гимназiи, и объясняли этимъ почему они будто бы не могутъ преподавать въ гимназiи, а учать гимназистовъ въ своихъ квартирахъ, для отопленія коихъ просили и получили казенные дрова. Вотъ относящiйся до этого любопытный протоколъ Академiи 27 сентября 1736 года: По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академiи Наукъ, обрѣтающiйся главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ приказалъ выдать ректорамъ Мартыну Шванвицу, да Фишеру дровъ долгихъ каждому по пяти саженей, для того, что сего сентября 18 дня профессоръ Бэръ объявилъ, что имъ въ гимназiи, за утѣсненiемъ учениковъ, обучать невозможно, для чего оныхъ обучаютъ они ректоры въ своихъ квартирахъ, а понеже уже время осени, того ради для топлениа имъ ректорамъ означенныя дрова и выдать».

Въ 1737 году гимназiя состояла всего изъ 19-ти учениковъ, изъ коихъ многiе не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназiи находили только одного ученика, а разъ случилось что ни одного не было.

Гимназiя разрушалась; нужно было возобновить ее. Съ этою цѣлю учреждена была въ 1737 году Академiею Наукъ, во время президенства барона Корфа, особая комиссiя изъ 4 лицъ— юстиць-совѣтника, академикъ по математикѣ Гольдбаха, только что назначеннаго тогда совѣтникомъ академическаго правленiя, а прежде бывшаго воспитателемъ Императора Петра II, потому имѣвшаго репутацiю основательнаго педагога, и профессоровъ Байера, Эйлера и Крафта, въ распоряженiе которой предоставлены были всѣ документы, касающiеся до гимназiи.

Коммисiя,
учрежденная
въ 1737 году
для улучшенiя
гимназiи.

Байеръ предлагалъ раздѣлить гимназiю на два отдѣленiя: высшее и низшее, и низшее отдѣленiе подраздѣлить еще на два отдѣла — для русскихъ и для нѣмцевъ; когда одни изучать нѣмецкiй, а другiе русскiй языкъ, то въ высшемъ, или латынскомъ отдѣленiи, они проходили бы курсъ вмѣстѣ. Высшее отдѣленiе онъ полагалъ составить изъ трехъ, а низшее изъ двухъ клас-

совъ и назначить продолжительность ученія въ каждомъ классѣ двухлѣтнюю, то есть ввести 10-ти лѣтній курсъ, за исключеніемъ особо даровитыхъ учениковъ, которыхъ переводить изъ класса въ классъ и ранѣе. Особенно пространна записка, поданная Эйлеромъ. Въ сущности, его взгляды сходятся съ мыслями Байера: онъ предлагалъ также раздѣлить гимназію на два отдѣленія: русское и нѣмецкое и назначалъ такую же продолжительность курса, то есть десятилѣтнюю; въ каждомъ классѣ онъ полагалъ 26 недѣльныхъ часовъ ученья. Эйлеръ составилъ и подробный планъ преподаванія всѣхъ предметовъ. Съ нимъ согласился Крафтъ.

Въ эту комиссію представилъ свое мнѣніе и Фишеръ, какъ ректоръ гимназіи. Въ запискѣ его находимъ, между прочимъ, слѣдующій основательный взглядъ его объ отдѣленіи нѣмецкой школы отъ гимназіи: «Нѣмецкій языкъ», говоритъ онъ, «необходимъ до тѣхъ поръ, пока русское юношество обучается нѣмецкими преподавателями; для этого можно было бы завести отдѣльную нѣмецкую школу, и оттуда переводить въ гимназію наиболѣе даровитыхъ учениковъ, хорошо изучившихъ нѣмецкій языкъ». Но въ особенности оригинально въ его запискѣ различіе взглядовъ на гимназическое образованіе въ Россіи и другихъ государствахъ «Многіе ученые», говоритъ онъ, «трудились надъ составленіемъ плана народнаго образованія; но мысли ихъ легче было изложить на бумагѣ, чѣмъ привести въ исполненіе. Многіе выдаютъ свои воззрѣнія за непремѣнныя правила, но когда посмотримъ на нихъ по-пристальнѣе, то онѣ окажутся далеко не удовлетворительными и даже педантичными. Обстоятельства мѣста и времени и національныя особенности столь различны, что невозможно въ подобныхъ предметахъ начертить общія правила; такъ напримѣръ, то, что высоко цѣнится въ Германіи, далеко не на столько же уважается въ Россіи: въ Германіи процвѣтаютъ языки латынскій, греческій и еврейскій, Аристотелева философія, римское право и спекулятивное богословіе; все это мало цѣнится въ Россіи, за исключеніемъ латынскаго языка.

Здѣсь напирать главнымъ образомъ на практичность, въ особенности на науки математическія, полезныя для страны въ военное и мирное время. По этому при учрежденіи гимназій въ Россіи нужно въ особенности сообразоваться съ этими взглядами». Читая эти строки, невольно припоминаешь полемику нашихъ реалистовъ противъ классическаго образованія въ началѣ семидесятыхъ годовъ, утверждавшихъ также, что русскія дѣти не способны къ тому ученію, которое получаетъ юношество въ другихъ государствахъ, и что будто русскій національный гений какой то особенный, болѣе практичный. Нужно сознаться, что въ теченіе полтора вѣка извѣстная часть общества не далеко ушла впередъ въ учебномъ дѣлѣ, даже попыталась назадъ, ибо прежде, какъ видно, всѣми признавалась въ Россіи по крайней мѣрѣ польза латынскаго языка, а наши реалисты и ее отвергаютъ.

Изъ представленныхъ въ комиссію мнѣній и записокъ составленъ былъ уставъ гимназій, озаглавленный: «Reglement des Gymnasii bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersburg»; но дальнѣйшаго хода ему дано не было.

Инспекторство Крафта (1738—1743 года).

Въ 1738 году Байеръ умеръ отъ горячки, и на мѣсто его назначенъ былъ академикъ по физикѣ Крафтъ инспекторомъ гимназій. Онъ былъ извѣстенъ составленнымъ имъ для гимназій руководствами, по которымъ долгое время преподавались въ ней математическая географія и геометрія, именно: 1) Einleitung zur mathematischen und natürliehen Geografie, nebst dem gebrauch der Erdkugeln und Landkarten zum Nutzen der russischen studirenden Jugend 1738. Русскій переводъ изданъ въ 1739 году. 2) Einleitung zur Geometrie. 1738 года (Русскій переводъ вышелъ въ 1762 году).

Составленный Крафтомъ въ 1738 году уставъ гимназій.

Въ 1738 же году Крафтъ составилъ и представилъ Академіи свой уставъ для гимназій. По этому уставу гимназія раздѣлена была на шесть классовъ, три низшихъ, русскіе, и три высшихъ, латынскіе, гдѣ преподавался и греческій языкъ, и увеличено число начальствующихъ лицъ: кромѣ ректора и ин-